

DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-050-056

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ²

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: o.popova@spbu.ru pov_64@mail.ru

Представлены некоторые результаты проведённого летом – в начале осени 2019 г. эмпирического исследования, посвящённого трактовке российскими учеными-политологами из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Краснодар, Симферополя и других городов, специалистами в вопросах политической идентичности, системных проблем, связанных с феноменом государственной политики идентичности. На основе дискурс-анализа стенограмм экспертных интервью были выделены следующие особенности государственной политики идентичности: невозможность её эффективного совмещения с «политикой различий», разработки универсальной базовой матрицы государственной идентичности и создания универсального механизма формирования государственной и гражданской идентичности, достижения единого результата в формировании заданной модели; неизбежность внутренних межэлитных конфликтов и отсутствие единства граждан в отношении к государственной символике, истории государства, олицетворяющим государство историческим политическим персонам, и наличия конкурирующих образов «мы – государство» в массовом сознании; отсутствие унифицированного понимания сути государственной политики идентичности участниками реализации проектов и их конкуренция за финансовые, технические и организационные ресурсы. Выполняя важные функции формирования национальной и гражданской идентичности населения, символического объединения граждан, предложения унифицированного восприятия наиболее значимых образов «своего» государства, государственная политика идентичности ориентирована на поддержание или оспаривание политизированных форм социальной идентичности отдельных социальных групп. Эксперты сомневаются в наличии продуманной государственной политики идентичности в нашей стране, ссылаясь на неэффективность и недостаточную проработанность механизмов реализации законопроектов, связанных с задачами формирования национально-государственной и гражданской идентичности населения.

Ключевые слова: государственная политика идентичности, экспертный опрос, дисфункции моделей политики идентичности, российские исследования государственной политики идентичности

STATE IDENTITY POLICY IN EXPERT EVALUATIONS OF RUSSIAN POLITICAL SCIENTISTS

Popova Olga V., D. Sc. (Policy), Professor
St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: o.popova@spbu.ru pov_64@mail.ru

The article describes some results of an empirical study (June - September, 2019) about the problems of state identity policy. The best Russian experts from Moscow, St. Petersburg, Perm, Krasnodar, Simferopol and other cities spoke about the systemic problems of the phenomenon of state identity policy and the practice of its implementation in Russia. Transcripts of twenty expert interviews (each lasting from 1 hour to 2 hours) were analyzed using discourse analysis. Experts drew attention to the following important features: the impossibility of its effective combination of the state policy of identity with the "policy of differences"; the impossibility of developing a universal basic matrix of state identity and creating a universal mechanism for the formation of state and civil identity; the impossibility of achieving a single result in the formation of a given identity model; the inevitability of internal inter-elite conflicts and the lack of unity of citizens in relation to state symbols, the history of the state, historical personalities personifying the state; the inevitability of the existence of competing "we – state" images in the mass consciousness; lack of a unified understanding of the essence of state identity policy by project participants and their competition for financial, technical and organizational resources. The state identity policy fulfills important functions of forming the national and civic identity of the population, symbolic association of citizens, and proposing a unified perception of the most significant images of "their" state. It aims to support or challenge the politicized forms of social identity of various social groups. Experts doubt the existence of a well-thought-out state policy of identity in our country. They substantiate their point of view by the inefficiency and insufficiently developed mechanisms for the implementation of bills aimed at the formation of national-state and civil identity of the population.

Keywords: state identity policy, expert survey, dysfunctions of identity policy models, Russian studies of state identity policy

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках реализации научного проекта № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы» в Санкт-Петербургском государственном университете. (This study was funded by RFBR and EISR; the research project № 19-011-31616 "State policy in the field of identity formation: conceptual foundations, technologies and prospects" in Saint Petersburg State University.)

Методология и метод экспертного исследования политики государственной идентичности. Теория политики идентичности (англ. "identity politics" или "politics of identity") вошла в арсенал зарубежных исследовательских проектов два десятилетия назад, а в российскую политологию – около десяти лет назад, хотя сам термин был введен в научный оборот ещё в 1979 г. Р. Анспачем. Политика идентичности как процесс сознательного конструирования определённых форм коллективной идентичности, включая попытки формирования определённых заданных моделей, принимается и сторонниками первоначальной версии этой теории, связанной с отстаиванием интересов различных меньшинств (этнических, гендерных, сексуальных и т. д., людей с ограниченными возможностями), ориентацией на методологию конструктивизма, и более современного её варианта, рассматривающего в качестве субъекта именно государство и ориентирующегося на попытки сочетания методологии неoinституционализма и конструктивизма. Ещё в середине 1990-х гг. теория политики идентичности (identity politics) объясняла преимущественно идеологические основания функционирования новых социальных движений и право различных меньшинств, считающих себя ущемлёнными, бороться за свои «особые права». Но в последнее десятилетие всё чаще применяется термин "identity policy", а внимание исследователей привлекает задача объяснения политических эффектов усилий современных государств решить задачи конструирования образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима. Не в последнюю очередь смещение фокуса исследований и трактовки феномена политики идентичности происходит потому, что «для некоторых прогрессистов политика идентичности оказалась дешёвой заменой серьёзных размышлений о том, как обратить вспять тенденцию роста социально-экономического неравенства, развивавшуюся в большинстве либеральных демократий на протяжении 30 лет» [8, с. 149].

Концепт государственной политики идентичности считается в современной политической науке достаточно мощным эвристическим конструктом, поскольку объясняет роль государства в качестве распределителя различного рода ресурсов, регулятора действий и решений в отношении политических институтов, структур гражданского общества, социальных групп и индивидов, в том числе объясняет деструктивные действия властных структур по отношению к «другим» – политическим, этническим, культурным и т. д., определяет стратегические цели и тактику действий властной элиты для формирования образа «мы – государство». Акцент делается на роли государственной политики ("policy") с целью сознательного, целенаправленного и систематического формирования (конструирования), утверждения и корректировки национально-государственной идентичности [4, с. 446–463]. В случае прихода к власти новых элитных групп, радикальной смены государственной идеологии, изменении территориальных границ государства меняют и свою политику идентичности, создавая новые национальные мифы и «творя» новую историю с максимальной отсылкой к древности происхождения своего государства [7, с. 54–78; 9, с. 306–326].

За последние два десятилетия сформировался устойчивый круг исследователей политической идентичности и политики идентичности из различных регионов нашей страны: Москвы (В. С. Комаровский, В. Л. Лапкин, О. Ю. Малинова, В. И. Пантин, И. С. Семенов, В. В. Титов), Санкт-Петербурга (С. В. Акопов, В. А. Ачкасов, О. В. Попова), Краснодарского края (Е. В. Морозова, И. В. Самаркина, И. В. Мирошниченко, З. А. Жаде), Пермского края (Л. А. Фадеева, Н. В. Назукина), Республики Крым (Т. А. Сениюшкина, А. В. Ставицкий), Республики Татарстан (А. Г. Большаков, О. И. Зазнаев) и др. [1; 2]. При исследовании феномена государственной политики идентичности эти исследователи, ориентирующиеся на разные методологические подходы (бихевиорализм, неoinституционализм, постструктурализм, неомарксизм, конструктивизм) и различные теоретические конструкты (символическую политику, теорию рационального выбора и др.), основное внимание уделяют государству как институту, которое максимально заинтересовано в формировании устойчивой лояльности населения по отношению к себе и обладает наиболее ценными и значимыми ресурсами для достижения этой цели.

Государственная политика идентичности представляет собой определённую целостную, непротиворечивую совокупность чаще всего закреплённых в юридических документах самого высокого уровня политических проектов, практик и инструментов формирования и закрепления определённой, заданной системы политических взглядов, идеологических и политических ценностных ориентиров значительной части населения (в идеале – большинства граждан), направленных на создание строго регламентированных образов «мы – граждане» и «моё государство». Характер политического режима накладывает на государственную политику

идентичности определённые ограничения, чаще всего в определении спектра допустимых инструментов [5, с. 70–87], но в целом её стратегия и цель схожи и направлены на формирование национальной и гражданской идентичности, символическое объединение граждан, создание достаточно схожего восприятия наиболее значимых образов «своего» государства и т. д.

В некоторых случаях государственная политика идентичности может быть ориентирована на поддержание или оспаривание определенных политизированных форм социальной идентичности граждан «своей» страны и видов политической идентичности. Но проводимая любым государством политика идентичности не ограничивается формированием только «своего» образа; она поощряет солидарность и нацелена на формирование и макрополитической идентичности, создавая определённые представления о «нас», которые опираются на задаваемые сознательно интерпретации истории и культуры населения страны, обеспечивая интеграцию стоящих «за» государством сообществ.

Российские исследователи отмечают безусловную связь государственной политики идентичности с символической политикой, в частности, политикой исторической памяти [6, с. 65–76]. В связи с темой государственной политики идентичности учёные также достаточно активно обсуждают проблему возможности / необходимости конструирования гражданской идентичности, обращая внимание на прагматические соображения политической элиты по поводу необходимости минимизации роста рисков, связанных с усилением влияния индивидуализма в массовом сознании, что чревато кризисом гражданских и политических институтов и государства в целом.

Летом и в начале осени 2019 г. группа преподавателей факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета провела серию экспертных нестандартизованных интервью, посвящённых проблеме эффективности реализации политики государственной идентичности в современном мире и, в частности, в России. Гайд экспертного интервью включал 19 открытых вопросов и прошёл проверку на стадии пилотажного этапа. Продолжительность каждого экспертного интервью составила от одного до двух часов. После расшифровки аудиозаписей стенограммы интервью были проанализированы с помощью дискурс-анализа.

Дискурс-анализ расшифровок интервью показал, что исследователи ориентированы не только на анализ реальной политики идентичности современных государств, но их беспокоит состояние теории и качество проводимых по этой теме исследований в нашей стране. Большинство экспертов считают концепцию государственной политики идентичности в недостаточной степени сложившейся; они специально подчёркивают необходимость более детального изучения этой научной проблемы через призму анализа сложившихся политических практик как в стабильных, так и в трансформирующихся государствах. Учёные обращают внимание на отсутствие достаточно обоснованной однозначной трактовки таких понятий, как государственная идентичность, национально-государственная идентичность, гражданская идентичность, отмечают их расширительную трактовку рядом исследователей.

Системные проблемы феномена государственной политики идентичности. По мнению российских экспертов, в природе самого явления государственной политики идентичности есть скрытые противоречия, которые, пусть в разной степени, но снижают её эффективность в любой стране безотносительно качества работы институтов органов власти, характера политического режима, традиций и особенностей отношения политической элиты и рядовых граждан.

Исследователи обратили внимание на практическую невозможность совмещать государственную политику идентичности (*«их цель – это лояльность ... Им нужен гражданин, который был бы лоялен системе, принимал бы её ценности, ценил бы символы идентичности, в идеале был бы потенциально активным, по крайней мере, знал что-то, что он может делать, что он не может делать»*) с запросом населения страны, прежде всего, в лице поколений X, Y и Z на «политику различий», которая в наибольшей степени соответствует потребностям современного информационного общества с его многообразными и в очень ограниченной степени поддающимися контролю каналами получения разнородной информации.

Эксперты отмечают невозможность создания универсальной базовой матрицы государственной идентичности, с позициями которой было бы согласно всё или хотя бы большая часть взрослого населения страны. Значительные сложности в процессе навязывания населению политическими акторами определённой модели идентичности связаны с тем, что она может быть усвоена, принята гражданами в качестве «своей» лишь в той степени, в которой компоненты базовой матрицы государственной идентичности могут быть проинтерпретированы самим людьми и их окружением, наделены значимым для них личностным или социальным

смыслом, приемлемым для определения образов «своего» государства в рамках привычного существующего дискурса [3, с. 119–128, 210–217].

Только в тоталитарных государствах, где политические элиты вынуждены демонстрировать поразительное единодушие во всех вопросах, не возникает проблемы наличия конкурирующих образов «мы – государство». Во всех остальных случаях – и при авторитарном, и при демократическом режиме – внутренние разногласия ориентирующихся на разные идеологические ценности групп внутри политической элиты по поводу базовых компонентов матрицы государственной идентичности, отношения к государственной символике, истории государства, значимым олицетворяющим страну историческим политическим персонам и т. д. неизбежно порождают альтернативные образы, не позволяя внедрить в массовое сознание единую унифицированную модель «своего» государства. Тем не менее, в авторитарном государстве линия политики идентичности обозначается более чётко, чем в демократическом (*«Конечно, авторитарному государству проще [политику идентичности] проводить, поскольку есть имидж государства, определена цель, система координат и, соответственно, государство этой цели следует. Направленность здесь уже обоснована»*).

Невозможно не только достижение единого результата в формировании заданной модели коллективных форм государственной, национальной и гражданской идентичности у населения, но и создание универсального механизма их формирования (*«конечно, детский сад и школа тоже ... Конечно, учебники ... это важная вещь, но, я задавала такой вопрос тем, кто считает, что главное – это учебники: “Скажите, пожалуйста, сколько времени Ваши дети читают учебники, а сколько времени находятся в социальных медиа?” ... Погружённость [в интернет, в социальные сети] значительно выше, поэтому ... уже не просто импровизированные ресурсы создаются ... в них заходят уже взрослые люди. [Необходимо] использование различного рода развлекательных каналов, площадок, для того, чтобы туда те или иные компоненты, модифицированные, включать. Есть вот такие вещи, сериалы, компьютерные игры, их стали тоже достаточно активно осваивать, потому что учебники учебниками, но надо узнать, как относятся к учебникам, как относятся к школе, что остается в головах ЕГЭ, который разрушает системное знание напрочь, у тех, кто по ЕГЭ обучается, вообще какая-то связь процессов, времен отсутствует»*).

Несмотря на почти полный контроль над организационными, финансовыми, техническими и иными ресурсами, государство всё же не может выступать единственным актором формирования государственной, гражданской или национально-государственной идентичности, а потому неизбежен запрос на эффективное взаимодействие институтов власти с гражданским обществом и гражданскими активистами по этим вопросам. Необходимость встраивания в систему реализации проектов идентичности не только многообразных государственных и негосударственных культурные и образовательные учреждения и институты (школы, вузы, музеи, кинематограф, театр и т. д.), которые с разной степенью эффективности способны реализовывать поставленные задачи по формированию гражданской и государственной идентичности, но и включать различные институты гражданского общества, привлекать лидеров общественного мнения, чьи интересы в этой области могут совершенно не совпадать с запросами властной элиты. Государство обязано осознавать необходимость партнерства с другими политическими акторами и институтами гражданского общества, не только передавая свои обязанности им, но и делясь полномочиями и ресурсами при реализации политики идентичности (*«не только государство является актором такой политики, но могут быть негосударственные акторы, могут быть элиты, не являющиеся непосредственной частью государства, это могут быть в общем-то оппозиционные силы, различные структуры гражданского общества»*). Но при этом невозможно обеспечить унифицированное понимание сути государственной политики идентичности всеми персонифицированными субъектами её реализации, поскольку деятельность институтов реализуется в работе представляющих их конкретных людей. Кроме того, неизбежна конкуренция участников реализации проектов формирования государственной политики идентичности за ресурсы, прежде всего, финансовые.

Наиболее очевидными и неизбежными последствиями этих конфликтов является снижение эффективности реализации политики идентичности, высокая стоимость (финансовая, символическая, политическая) проектов, отдаление перспективы достижения гражданского согласия по поводу их содержания.

Эксперты обратили внимание также на скрытый конфликтный потенциал реализации государственной политики идентичности, казалось бы, обращённой только на своих собственных

граждан, в обострении международной обстановки («не так давно было интервью Маркуса Эдерера на сайте «Европейского диалога», где он прямо говорит о том, что политика идентичности сейчас выстраивается государствами по принципу *“it’s my country, it’s right”*... соответственно, [такая позиция] становится своего рода ядром внешнеполитического курса конфронтационного направления, поэтому это большая угроза ... Это связано с внешнеполитической деятельностью, с внешнеполитическими проблемами, решениями государств и необходимостью выстраивания, «отстраивания» одного государства от другого»).

Проблемы формирования и реализации государственной политики идентичности в современной России. Наиболее существенные различия в представлениях учёных касаются вопроса о наличии сформированной и эффективной политики идентичности в современной России. Отрицательный ответ на этот вопрос связан с представлением части экспертов об отсутствии в стране единой, строго выверенной программы действий, которая позволяла бы, используя множество центров не только институтов политической власти, но и структур гражданского общества, эффективно совмещать подчас противоречивые представления различных социальных и политических групп о сущности политических процессов в прошлом и настоящем страны, а также предложить непротиворечивую модель развития государства.

Эксперты достаточно скептически оценивают состояние и перспективы государственной политики идентичности в нашей стране. В основном критические аргументы связаны с декларацией, недостаточной проработкой механизмов реализации, направленных на формирование национально-государственной и гражданской идентичности населения принятых в последнее десятилетие законопроектов («я имею в виду, что формулировки сделаны так, как будто бы есть. Есть программа там или есть планы, развитие политики идентичности государства, а их нет. То есть сами механизмы, они, конечно, есть, но это не прямые механизмы, это косвенные механизмы формирования»).

По их мнению, российские власти только осознают задачу необходимости формирования государственной политики идентичности («Вообще как таковой государственной политики идентичности в России нет ... были заявления Путина... в 2011 или 2012 ... А как таковой государственной политики идентичности всё-таки у нас нет. Есть разные действия, которые направлены на идентификацию, но они, в общем-то, являются осторожными»).

Отмечаются недостатки институционализации государственной политики идентичности («Традиционные инструменты – это то, что касается обращений, выступлений глав государств, видных государственных деятелей, всё равно через них формируется государственная политика идентичности, она озвучивается в этого рода обращениях к гражданам: кто есть мы, где мы находимся в этом мире, друзья, враги, что нам угрожает, что нам делать, чтобы быть сплочёнными»).

Используются традиционные инструменты оказания влияния на население через поддерживающих власть лидеров общественного мнения, не учитывая подчас существенную дифференциацию этой группы интеллектуалов для различных социальных групп («...включение государства через разного рода людей, не только собственных представителей, государственный власти, но и лояльных власти интеллектуалов, публицистов и прочее... Они в это пространство включаются весьма активно, с дискуссией включают, они это пространство так или иначе отвоевывают, пытаются его использовать в качестве арены борьбы за ту идентичность и те символы, значимые вещи, принципы, которые они считают необходимым продвигать»).

Среди значимых политико-практических проблем эксперты отмечают сложности выстраивания иерархически соподчинённого отношения региональной и государственной идентичности в массовом сознании населения расположенных вдоль границ страны и эксклавных субъектов РФ, фактического подчинения государственной идентичности в некоторых регионах страны (преимущественно национальных республик с сильным влиянием ислама) конфессиональной или этнической идентичности. Кроме того, отсутствие у элитных групп непротиворечивого восприятия прошлого и настоящего Российского государства отражается и на представлениях рядовых граждан образа страны в настоящем и ограничивая в их сознании перспективы развития Российской Федерации.

В ходе интервью было отмечено, что косвенное негативное влияние на реализацию государственной политики идентичности в стране оказывает активно распространяющееся в информационном пространстве из-за рубежа представление о России как государстве, агрессивно ведущем в настоящее время гибридные войны (социальные сети и социальные

медиа играют в этом особенно значимую роль) как против вышедших из-под контроля России некоторых бывших республик СССР, так и бывших союзников по социалистическому лагерю. Снижение эффективности проводимой государством политики идентичности определяется также низкими показателями доверия населения большинству органов государственной власти и олигетворяющим их политикам.

Итак, государственная политика идентичности как процесс сознательного конструирования идентичности различными группами политической элиты (прежде всего, административно-политической) в границах политического сообщества (от малых групп до регионов и национальных государств) может рассматриваться как определённая реакция на процессы унификации в условиях глобализации с целью самосохранения государства. Используемый для описания результата реализации государственной политики идентичности термин «национально-государственная идентичность» акцентирует целостный образ «мы – народ», хотя ядром этой политики является, безусловно, формирование заданных моделей гражданской идентичности и образа «своего» государства, в котором образ «мы» должен пониматься как его подчинённый компонент. Терминологическое разнообразие описания продукта государственной политики идентичности («гражданственно-государственная», «национально-гражданская идентичность», «гражданская идентичность», «комбинация этнического и наднационального / цивилизационного начал», «государственная идентичность», описание «российская идентичность» как «политической нации» и т. д.) свидетельствует о неустоявшейся пока теоретической конструкции. Результаты проведённого экспертного опроса позволяют более точно определить «узкие» места в современной трактовке теории государственной политики идентичности.

Эксперты обратили внимание на следующие значимые ограничения при попытке реализации государственной политики идентичности независимо от особенностей политической жизни и традиций страны, расстановки политических сил: невозможность эффективного совмещения государственной политики идентичности с востребованной «политикой различий»; невозможность предложения универсальной базовой матрицы государственной идентичности и создания гарантированно высокоэффективного механизма формирования государственной и гражданской идентичности; невозможность обеспечения единого заданного результата формирования модели идентичности, в которой заинтересован государственный аппарат; неизбежность внутриэлитных конфликтов по вопросам выбора приоритетной модели государственной идентичности и отсутствие единого отношения граждан к государственной символике, истории государства, наиболее значимым для истории государства реальным и мифическим образам исторических персон; неизбежность конкуренции в массовом сознании образов «мы – государство»; отсутствие единого понимания сути государственной политики идентичности участниками реализации проектов и их конкуренция за финансовые, технические и организационные ресурсы.

В целом анализ показал, что недостаточно прояснёнными в позициях экспертов остаются вопросы, связанные с механизмами и наиболее эффективными технологиями государственного регулирования политики идентичности, а также эффектами использования публичными политиками, традиционными СМИ и масс-медиа феноменов постправды и фейковых новостей с целью формирования интересующей политической элиты заданной модели политической идентичности населения.

Список литературы

1. Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : Весь мир, 2017. – 992 с.
2. Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : РОССПЭН, 2011. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки. – 208 с.
3. Попова, О. В. Анализ базовой матрицы государственной идентичности. Механизмы формирования политической идентичности / О. В. Попова // Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2018. – С. 119–128, 210–217.
4. Семенов, И. С. Концепт идентичности в изучении политики / И. С. Семенов // Современная политическая наука / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 2019. – С. 446–463.
5. Семенов, И. С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе / И. С. Семенов // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 70–87.
6. Семенов, И. С. Прошлое на переднем крае политики идентичности / И. С. Семенов // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 11. – С. 65–76.
7. Семенов, И. С. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И. С. Семенов, В. В. Лапкин, А. Л. Бардин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 54–78.

8. Фукуяма, Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – Москва : Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.

9. Semenenko, I. Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia / I. Semenenko // *Europe-Asia Studies*. – 2015. – Т. 67, № 2. – P. 306–326.

References

1. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: Personality, society, politics]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, Ves mir Publ, 2017, 992 p.

2. *Politicheskaya identichnost i politika identichnosti: v 2 tomakh* [Political identity and identity policy: in 2 vol.]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, vol. 1, 208 p.

3. Popova, O. V. Analiz bazovoy matritsy gosudarstvennoy identichnosti. Mekhanizmy formirovaniya politicheskoy identichnosti [Analysis of the basic matrix of state identity. Mechanisms for the formation of political identity]. *Konstituirovaniye sovremennoy politiki v Rossii: institucionalnyye problemy* [The constitution of modern politics in Russia: institutional problems]. Ed. by S. V. Patrushev, L. E. Filippova. Moscow, Politicheskaya encyclopedia Publ., 2018, pp. 119–128, 210–217.

4. Semenenko, I. S. Kontsept identichnosti v izuchenii politiki [The concept of identity in the study of politics]. *Sovremennaya politicheskaya nauka* [Modern Political Science]. Ed. by O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. Moscow, Aspect Press., 2019, pp. 446–463.

5. Semenenko, I. S. Natsionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy natsionalnoy identichnosti v "staroy" Yevrope [Nationalism, separatism, democracy... Metamorphoses of national identity in "old" Europe]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* [Polis. Political research], 2018, no. 5, pp. 70–87.

6. Semenenko, I. S. Proshloye na perednem kraye politiki identichnosti [The past at the forefront of identity politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2018, vol. 62, no. 11, pp. 65–76.

7. Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., Pantin, V. I. Mezdu gosudarstvom i natsiyey: dilemmy politiki identichnosti na postsovetском prostranstve [Between the state and the nation: dilemmas of identity politics in the post-Soviet space]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* [Policy. Political research], 2017, no. 5, pp. 54–78.

8. Fukuyama, F. *Identichnost: Stremeniye k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The desire for recognition and the policy of rejection]. Moscow, Alpina Publisher, 2019, 256 p.

9. Semenenko, I. Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2015, vol. 67, no. 2, pp. 306–326.

DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-056-066

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУРСИВНЫХ АСПЕКТАХ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ³

Мухарьямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор

Казанский государственный энергетический университет

Российская Федерация, Республика Татарстан, 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51

E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент

Казанский государственный энергетический университет

Российская Федерация, Республика Татарстан, 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51

E-mail: yanush_ob@yahoo.com

Шакурова Гульназ Зиннатulloвна, старший преподаватель

Казанский государственный энергетический университет

Российская Федерация, Республика Татарстан, 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51

E-mail: lady.rahimullina2010@yandex.ru

Высказана идея о рассмотрении языковой политики национального и регионального уровней как дискурсивного процесса. Отмечены территориально-иерархические уровни политической коммуникации, функциональные сегменты и разновидности субъектов дискурса. Выделены три крупных структурно-тематических блока и уровня дискурсивной деятельности применительно к языковой политике в российских регионах: академический, официальный дискурс и дискурс масс-медиа. Если в медийном пространстве и академическом дискурсе наблюдается принципиальный качественный сдвиг, то в официально-документальном дискурсе, отражающем позицию и подходы федеральных и региональных властных инстанций, терминологическая фигура «языковая

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31465 «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях». (The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Autonomous Non-Profit Organization of Electronic Information Technologies in the framework of the scientific project No. 19-011-31465 "Regional language policy in discursive dimensions".)